

110-летие со дня рождения академика Л. А. Орбели

Знаменательным событием в нашем историко-научном сообществе стало состоявшееся 16 июня 1992 г. совместное заседание Отделения физиологии РАН, Российского национального комитета историков науки и техники, Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН и Института истории естествознания и техники РАН, посвященное 110-летию со дня рождения академика Леона Абгаровича Орбели (1882—1958). Организованное ИИЕТ, оно собрало ученых из различных институтов и научных центров.

Не случайно именно в ИИЕТ отмечалась эта дата. Глубокий знаток истории отечественной и мировой физиологии, Орбели на протяжении всей своей творческой жизни проявлял интерес к истории науки. Его перу принадлежат статьи о классиках физиологии: И. М. Сеченове, И. П. Павлове, Дж. Ленгли и др. Вместе с академиками А. Н. Крыловым, В. И. Вернадским, Н. Д. Зелинским и С. И. Вавиловым Орбели был в составе первого Ученого совета Института истории естествознания АН СССР при его основании в 1944 г.

Первым после краткого вступительного слова и. о. директора ИИЕТ Б. И. Козлова выступил академик П. В. Симонов (Отделение физиологии РАН). Подчеркнув, что Орбели принадлежал к блестящей плеяде отечественных биологов первой половины XX в. и был воспитан на традициях И. М. Сеченова и И. П. Павлова, он остановился на созданной Орбели эволюционной физиологии, включающей эволюционный подход к изучению высшей нервной деятельности, развиваемый в трех направлениях: онтогенетическое и клинико-экспериментальное изучение и филогенез. П. В. Симонов поделился воспоминаниями о своих встречах с выдающимся ученым, рассказав о той роли, какую сыграл Орбели в его работе по исследованию физиологии эмоций.

Академик А. А. Баев (Институт молекулярной биологии РАН) рассказал о том, как задержалась защита его диссертации из-за ареста по ложному обвинению в принадлежности к группе Бухарина—Слепкова. По просьбе руководителя диссертации Орбели обратился к Берии с ходатайством об освобождении Баева. Об этом же он писал начальнику Норильского комбината НКВД генерал-майору А. А. Паникову: «Баев исключительно перспективный научный работник-исследователь. Использование его на научной работе по его подлинной специальности соответствует той роли, которая сейчас с особенной силой придается развитию науки в нашей стране. Я позволю себе выразить уверенность, что Вы учтете обоснованность этих соображений и не будете препятствовать переходу А. А. Баева на научную работу в системе АМН

СССР». В результате Баев на некоторое время оказался на свободе. «Чудом моя диссертация уцелела, — продолжал Баев, — и хранилась у Энгельгардта. Я получил возможность защитить ее в Физиологическом институте, моими оппонентами были Е. М. Крепс и С. Е. Северин, председателем Ученого совета — Орбели». В те годы, чтобы разрешить персоне поп грата защиту диссертации, нужно было иметь большое мужество.

В своем выступлении академик О. Г. Газенко (Институт медико-биологических проблем РАН) говорил о вкладе Орбели в отечественную и мировую науку в области авиационной и космической физиологии и медицины.

В качестве слушателя курсов повышения квалификации по физиологии на кафедре в Военно-медицинской академии, начальником которой был Орбели, он присутствовал на лекциях Леона Абгаровича, вел научные исследования по авиационной медицине в известной баролаборатории при кафедре. Разработка теоретических основ физиологии водолазного дела, авиационной медицины была возложена на Орбели и его школу. Кафедра физиологии Военно-медицинской академии стала основным центром разработки прикладных направлений физиологии: подводной физиологии, физиологии скоростных и высотных полетов, и в конечном счете — космической физиологии и медицины. Обосновывая необходимость широкой постановки проблемы полетов в стратосферу, Орбели еще в 1934 г. выделил следующие направления исследований: влияние ультрафиолетовой радиации на живые организмы, действие космических лучей, свойства материала, из которого будет построен скафандр, влияние ускорений на живые организмы, состояние зрительного аппарата в условиях стратосферы. С именем Орбели, таким образом, связаны истоки и первые достижения авиационной и космической физиологии и медицины.

Профессор М. Г. Ярошевский (Институт истории естествознания и техники РАН) отметил демократизм Орбели в общении с молодежью, его глубокое знание истории отечественной и мировой науки, интерес к междисциплинарным исследованиям, побудивший порекомендовать как тему докторской диссертации анализ роли Сеченова в создании психофизиологии. Когда началось гонение на Орбели, то одной из проверочных комиссий руководил П. К. Анохин, по поводу которого Орбели сказал: «А вы знаете как назвал А. А. Ухтомский Анохина: "ушкунник"». Чрезвычайно лестную оценку личности и научного вклада Орбели дал знаменитый Ганс Селье при встрече с Ярошевским в 1980 г. в Канаде.

Ярошевскому запомнилась также удивительно теплая атмосфера в Ленинградском университете, куда на лекции Орбели приходило множество молодежи, устраивавшей ему овации.

Поистине торжественно отмечалось 75-летие со дня рождения Орбели. Юбиляр тогда сказал: «Мне с первых дней моей жизни везет, везет и везет: я принадлежу к одной из древнейших наций, которая на протяжении многих столетий и даже тысячелетий разрабатывала культуру. Я родился в семье, в которой все были представителями интеллигентного труда и честно, добросовестно работали и дали мне хорошее воспитание. Я — армянин, учился в Тбилиси, в русской гимназии, где были объединены представители всех народов: русские, немцы, евреи, армяне, грузины. Все мы жили единой дружной семьей.»

Выступавший отметил также, что всю деятельность Орбели пронизывал бескомпромиссный интернационализм, сочетавшийся с бескорыстной поддержкой тех, кто обращался к нему за помощью.

Академик Т. М. Турпаев (Институт биологии развития РАН) особо отметил роль семьи в формировании Орбели как ученого и гражданина. Он рассказал о вкладе Орбели в создание эволюционной физиологии, отметив также определенную параллель в деятельности Л. А. Орбели и Х. С. Коштоянца. Одновременно вышли программные труды Орбели «Об эволюционном направлении в физиологии» (1933) и Коштоянца «Физиология и теория эволюции» (1932). В своем докладе на VII Всесоюзном съезде физиологов (1947) Орбели подчеркнул: «Вести эволюционный принцип в физиологические исследования как основной метод предлагал А. Н. Северцов, а применили практически одновременно и независимо друг от друга Х. С. Коштоянц и я. Я не могу не подчеркнуть той роли, которую сыграл Коштоянц и его ближайшие сотрудники в развитии этого принципа».

Орбели создал самую многочисленную научную школу в области эволюционной физиологии, и в этом его величайшая заслуга перед наукой.

Л. И. Чилингарян (Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН) в своем докладе отметила значительный вклад Орбели в ряд областей физиологии, причем главным направлением был эволюционный подход к исследованию высшей нервной деятельности, изучение ВНД в филогенезе, онтогенезе и в клинко-патологическом аспектах. Успешно разрабатывая военно-прикладные области науки, Л. А. Орбели имел огромные заслуги перед государством. Однако в определенный момент он лишился своего высокого общественного положения и возможности работать в спокойной обстановке — по-видимому, за то, что мужественно отстаивал свои научные взгляды, обращался с просьбами об освобождении незаконно репрессированных ученых, проявлял самостоятельность в суждениях и поступках. Налицо явная аналогия с судьбами академиков Н. И. Вавилова и А. Д. Сахарова, однако в более смягченном варианте.

Э. А. Костандов (Институт общей и судеб-

ной психиатрии имени Сербского) рассказал о тяжелейшем периоде жизни Орбели, когда ему инкриминировали идеологические и политические ошибки, обвиняли в психофизическом параллелизме, что было в те времена равносильно обвинению по статье уголовного кодекса об антисоветской агитации. Обращение к субъективному методу в изучении психофизиологии человека расценивалось как отход от учения И. П. Павлова, от диалектического материализма. Проблема самосознания — одна из ключевых в творчестве Орбели. И в этом он продолжал реализацию программы Павлова, настаивая на необходимости наряду с физиологией изучать и психологию. Статья Орбели «Объективное и субъективное в высшей нервной деятельности» (1964) была опубликована посмертно — это трагедия ученого.

Следует отметить дружеский характер отношений Л. А. Орбели и И. С. Бериташвили, хотя они и остро дискутировали относительно воззрений на симпатическую нервную систему, что в конечном счете служило стимулом для постановки новых экспериментов, углубляющих анализ собранных данных и накапливающих новый фактический материал. Обоих ученых объединяло принципиальное и мужественное поведение в период «павловской» сессии и во время работы так называемого «павловского совета», который был призван после сессии разоблачать «антипавловцев».

Н. А. Тушмалова (биологический факультет МГУ) говорила в своем докладе о важной роли научного наследия Орбели в преподавании студентам физиологии высшей нервной деятельности и в развитии сравнительно — физиологических исследований в университете. Учение Орбели находит конкретное применение и на семинарах по изучению эволюции памяти. Но главное, что студенты учатся на примере жизни Орбели быть настоящими учеными и настоящими людьми. Великий творец науки, гуманист и педагог сам учил других быть оптимистами, не бояться своих учеников — в этой смелости и оптимизме залог прогресса и науки, и педагогики.

А. М. Брагин (Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН) выделил в творчестве Орбели два периода: до 1916 г. и после 1920 г., когда Орбели приступил к самостоятельной научно-преподавательской деятельности. Будучи типичным представителем павловской научной школы, Орбели в своем становлении воплотил некоторые характерные черты учеников Павлова: еще студентами они были чрезвычайно активны на лекциях, рано погружались в лабораторную жизнь, в экспериментальную работу, поддерживали непрерывную связь с учителем на протяжении всей творческой жизни.

В. Д. Есаков (Институт истории естествознания и техники РАН) отметил новые возможности изучения истории отечественной науки, открывшиеся в связи с доступом к архивам КПСС, где хранятся документы о творчестве многих выдающихся ученых, в том числе и академика Орбели. В частности, знакомство с материалами архива секретариата ЦК КПСС позволяет более детально проследить этапы подготовки к «павловской» сессии. О непосред-

ственном участии Сталина, о бдительном его внимании к деятельности Орбели свидетельствует доклад президента АН СССР акад. С. И. Вавилова о работе Физиологического института им. Павлова, подготовленный по поручению Сталина и посланный ему 18 февраля 1949 г. В докладе была высказана рекомендация, чтобы Орбели сосредоточился на руководстве этим институтом.

Основным исполнителем воли «корифея науки» стал заведующий сектором науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов. Он внимательно следил за юбилейными мероприятиями, посвященными 100-летию со дня рождения Павлова и буквально на второй день после завершения юбилейной сессии направил 28 сентября 1949 г. Сталину обстоятельную записку «О разработке учения академика И. П. Павлова». В ней предлагалось «подвергнуть глубокой критике попытки ревизовать или принизить учение Павлова», а также «ликвидировать монопольное положение академика Орбели в деле руководства физиологическими учреждениями».

Архивные материалы говорят о вмешательстве партийной номенклатуры в развитие физиологии, что дает историкам основание пересмотреть вопрос о роли АН СССР и АМН СССР в подготовке и проведении «павловской» сессии, которая была политической акцией. Академии послужили здесь прикрытием для вторжения в развитие науки партийных интриг, что в конечном счете отражало единоличную волю «вождя».

Н. А. Григорьян (Институт истории естествознания и техники РАН) в своем докладе рассказала о некоторых малоизвестных фактах биографии Орбели и обратила внимание, что историкам науки предстоит большая и интересная работа по таким тематическим направлениям, как «Научное окружение Орбели», «Орбели о развитии физико-химической физиологии», «Орбели как историк и организатор науки», «Орбели о науке и образовании» и др.

По словам Павлова, Орбели был лучшим его учеником, а его диссертацию Павлов счи-

тал лучшей работой по условным рефлексам. Представляя Орбели к заграничной командировке в 1908 г., Павлов отметил несомненные научные достоинства работ своего ученика: безукоризненность в методическом отношении, богатство нового фактического материала, постоянную и напряженную работу мысли — критическую и обобщающую. Павлов считал исследования Орбели по физиологии симпатической нервной системы достойными Нобелевской премии: им и, как писал Павлов, решается «положительно вопрос фундаментальный, почти столетняя загадка о трофической иннервации».

Орбели принадлежал к биологической элите 20-50-х годов нашего века. Его ближайшее окружение — Н. К. Кольцов, Н. И. Вавилов, А. А. Заварзин, И. И. Шмальгаузен, В. А. Энгельгардт, В. Н. Сукачев, С. Н. Давиденков и др. Эта группа ученых создала прочный фундамент для развития новых направлений в биологии и медицине. Однако реализация новых исследовательских программ была парализована известными политическими акциями в науке.

Авторитет и нравственное величие Орбели в научном сообществе были непоколебимы. Его моральная поддержка ощущалась даже в самые трудные времена.

Последующее развитие физиологии свидетельствует о жизнеспособности и долголетию научной школы и идей Орбели. Преемники великого ученого сосредоточены сегодня на решении фундаментальных проблем современной науки. Жизнь и деятельность Л. А. Орбели представляют неисчерпаемый источник для новых исследований. Требуется кропотливый анализ и оценки богатый личный фонд Орбели в Архиве РАН. Дальнейшие историко-научные исследования углубят представления о творчестве Орбели, его личности как выдающегося творца и организатора науки, как человека высочайшей нравственности.

Н. А. Григорьян

Н. И. Лобачевский и современная геометрия

18—22 августа 1992 г. в Казанском университете состоялась международная конференция «Лобачевский и современная геометрия». В ней приняли участие 270 ученых, включая 197 из России, 55 из других бывших республик СССР, а также 18 — из стран Запада, в том числе из США, Португалии, Германии, Финляндии, Индии, Италии, Бразилии и др. На конференции состоялись пленарные заседания, работали 4 секции: 1. Геометрия и топология; 2. Теория относительности и гравитации; 3. История и философия математики; 4. Отдель-

ные разделы математики. Несмотря на то, что большое количество исследователей, предполагавших принять участие в конференции, не смогли этого сделать по причинам экономических трудностей, испытываемых в настоящее время Россией, на конференцию было представлено около 250 докладов.

С точки зрения историков науки, наиболее интересные сообщения были сосредоточены в секции 3. За три дня здесь было прочитано 19 докладов, весьма разнообразных по своей тематике — от общих проблем философии и мето-